

«Китайский шок Никсона» в зеркале японской внутренней политики

В.В. Нелидов

Институт востоковедения РАН

«Китайский шок Никсона» (заявление президента США Р. Никсона от 15 июля 1971 г. о состоявшейся поездке в КНР его помощника по национальной безопасности Г. Киссинджера и скором визите туда самого американского президента) стал одним из переломных моментов в истории внешней политики Японии и способствовал переходу Токио к более независимому от Вашингтона курсу на международной арене. На примере реакции Японии на это событие в статье раскрываются характерные особенности процесса принятия внешнеполитических решений в послевоенной Японии и демонстрируется их влияние на японскую внешнюю политику периода «системы 1955 года» (продолжительный период непрерывного пребывания у власти консервативной Либерально-демократической партии в 1955-1993 гг.). Показана децентрализованность внешнеполитического процесса, выражавшаяся в ограниченности полномочий премьер-министра по выработке внешнеполитического курса, наличии существенных внутриведомственных противоречий в МИД Японии, фракционности правящей партии и высокой степени зависимости политического курса от общественного мнения. Автор утверждает, что эти особенности принятия внешнеполитических решений во многом предопределили реакцию японского правительства на «китайский шок Никсона». Учитывая историческую значимость «системы 1955 года» для современной японской политики, выводы статьи представляют интерес для понимания логики внешней и внутренней политики Японии всего послевоенного периода.

Ключевые слова: Япония, внешнеполитический процесс, «шок Никсона», нормализация японо-китайских отношений, японо-американские отношения, Либерально-демократическая партия Японии.

Значимость «шока Никсона» для внешней политики Японии

Японская внешняя политика послевоенного периода зачастую оценивается как пассивная: Токио, как правило, реагировал на уже сложившуюся ситуацию, не проявляя собственной инициативы и не действуя на

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 28.03.2019 г.

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

опережение. Однако если в первые десятилетия холодной войны Япония, действительно, почти во всех ситуациях следовала в фарватере курса США², то к 1970-1980-м гг. в её дипломатии наметилась готовность к более активному отстаиванию своих интересов. Важным рубежом в этом процессе трансформации внешней политики японского государства оказались события 1971-1972 гг., сопровождавшие установление дипломатических отношений между Японией и Китайской Народной Республикой.

15 июля 1971 г. президент США Ричард Никсон в телеобращении сообщил о недавно состоявшейся поездке в Пекин советника по национальной безопасности Генри Киссинджера и о предстоящем в скором времени собственном визите в КНР. На тот момент законным представителем всего Китая США признавали гоминьдановское правительство на Тайване и не поддерживали дипломатических отношений с Пекином. То, что США стали на путь нормализации отношений с Китайской Народной Республикой, оказалось неожиданностью и для всего мирового сообщества, и для Японии, вследствие чего заявление американского президента осталось в истории как «китайский шок Никсона».

Из всех стран-союзниц США самое глубокое и долговременное влияние этот «шок» оказал на Японию, главного стратегического партнёра США в Восточной Азии. То обстоятельство, что американская администрация не сочла необходимым заранее оповестить Токио, вызвало в японской столице возмущение и обиду³. Реакцией японского руководства стали инициативы по налаживанию контактов с Пекином, увенчавшиеся в 1972 г. установлением дипломатических отношений Японии с КНР (дипломатические отношения между США и КНР были установлены лишь с 1979 г.).

В долгосрочной перспективе «шок Никсона» стал одной из причин качественного изменения внешнеполитического курса Японии. Сохранив ориентацию на японо-американский военно-политический союз, Токио обратился к «многосторонней дипломатии», подразумевающей большую самостоятельность и отступление от безусловного следования за США во всех международных вопросах. Наглядными примерами этого могут послужить и установление Токио в начале 1970-х гг. дипломатических отношений со странами социалистического лагеря – МНР, ГДР, СРВ (причём с Социалистической Республикой Вьетнам отношения были нормализованы уже в 1973 г., практически сразу же после вывода американских войск из Вьетнама), и сохранение дипломатических отношений Токио и Тегерана после исламской революции в Иране в 1979 г.

¹ Эту особенность японской политики видный американский политолог Кент Калдер назвал феноменом «реактивного государства» (Calder 1988: 518).

² Существенным исключением можно считать нормализацию советско-японских отношений в 1956 г., осуществлённую, несмотря на противодействие со стороны Вашингтона.

³ «Шоком Никсона» называют также заявление Никсона от 15 августа 1971 г. об отмене золотого стандарта доллара и введении десятипроцентной пошлины на импорт японских товаров. Иногда оба заявления фигурируют в литературе как «шоки Никсона». В настоящей работе под «шоком Никсона» понимается заявление от 15 июля 1971 г.

Методология

Реакция официального Токио на «шок Никсона» ставит перед исследователем ряд вопросов. Почему Япония не предприняла конкретных действий по официальным каналам для нормализации отношений с Китаем до июля 1971 г.? Почему она не сумела предугадать американо-китайское сближение? И, несмотря на это, почему в установлении дипломатических отношений с Пекином японская дипломатия опередила американскую? Получить убедительные ответы на эти вопросы в рамках реалистического и неореалистического подходов теории международных отношений, при трактовке государств как взаимодействующих с международной средой однотипных субъектов со сходной мотивацией, не представляется возможным. В научный анализ необходимо ввести внутреннюю мотивацию внешней политики, которая определяется спецификой функционирования политической системы государства в целом и внешнеполитического процесса (то есть процесса принятия внешнеполитических решений) в частности. Именно такая задача – изучение внешней политики с учётом, в том числе, и факторов, характеризующих существующую внутри государства структуру принятия внешнеполитических решений – ставится в рамках «неоклассического реализма», оформившегося в качестве отдельного направления в конце 1990-х гг. (Rose 1998), и настоящая статья стремится внести свой вклад в решение этой задачи.

Подобные факторы особенно важны применительно к Японии эпохи «системы 1955 года», то есть периода длительного непрерывного пребывания у власти консервативной Либерально-демократической партии (ЛДП) в 1955-1993 гг. При наличии множества внутрипартийных фракций и сильной оппозиции, с учётом особой роли бюрократии, влияния на политический процесс СМИ и общественного мнения даже сильные премьер-министры не могли принимать важные решения единолично и подчас сталкивались с более серьёзным сопротивлением своим инициативам, чем это было в других демократических странах – ситуация, во многом сохраняющаяся и в постбиполярный период⁴.

При наличии значительного количества публикаций, посвящённых внешней политике послевоенной Японии (см. напр. Кистанов 1995; Cooney 2007; Hook et oth. 2005; Togo 2010, Курияма 2016), в советской и российской историографии нет специальных исследований, в которых бы на конкретных примерах рассматривалось влияние внутривнутриполитических факторов на принятие внешнеполитических решений в Японии в период «системы 1955 года». Работы по данной теме зарубежных авторов зачастую носят описательный характер (см. напр. Yoshii 2008, Сёдзи 2011). Между тем в последние годы растёт интерес к сопряжённым с предметом анализа данной статьи проблемам концептуали-

⁴ Общий обзор дискуссии относительно специфики принятия внешнеполитических решений в Японии на современном этапе см. в (Pugliese 2017: 1-3).

зации внешнеполитического процесса современной Японии (см. напр. Внешнеполитический процесс... 2011; Стрельцов 2010; Nagan et oth. 2001; Pugliese 2017) и функционирования политической «системы 1955 года» в целом (см. напр. Стрельцов 2016; Campbell, Scheiner 2008).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить характерные черты внешнеполитического процесса в Японии на примере конкретного кейса – последствий «китайского шока Никсона» – и показать влияние этих особенностей на процесс принятия внешнеполитических решений. Для достижения этой цели автор рассмотрел взаимодействие различных игроков японской политической арены (премьер-министра и правительства, правящей ЛДП и оппозиционных партий, Министерства иностранных дел, средств массовой информации, бизнеса) и проанализировал их вклад в формирование внешнеполитического курса японского государства.

Внутриполитические аспекты японо-китайских отношений до «китайского шока Никсона»

Вопрос о возможности и желательности нормализации отношений с КНР поднимался в японских политических кругах задолго до того, как новость о американо-китайском сближении стала достоянием общественности в июле 1971 г., а симпатии к коммунистическому Китаю разделяли политики разных политических ориентаций. К примеру, известный своими антикоммунистическими взглядами Ёсида Сигэру⁵ ещё в 1951 г. в беседах с выполнявшим роль главного переговорщика американской стороны при подготовке текста будущего Сан-Францисского мирного договора Джоном Фостером Даллесом утверждал, что американская политика сдерживания Китая неверна, потому что союз СССР и КНР окажется недолговечным, и что Япония может помочь «увести» Китай от коммунистической идеологии. Американский политолог Чалмерс Джонсон полагает, что «письмо Ёсиды» от 24 декабря 1951 г.⁶, в котором японский премьер подтверждает, что Япония признаёт тайваньское, но не пекинское правительство, могло быть составлено Даллесом, а С. Ёсида лишь подписал его.

На протяжении двух последующих десятилетий сторонниками нормализации отношений с Китаем были многие консервативные политики «школы Ёсиды», включая премьер-министров Икэда Хаято, Сато Эйсаку и Танака Какуэй (Johnson 1986: 403-404), хотя в большинстве случаев они не делали это центральной частью своей политической программы, чтобы не провоцировать

⁵ Ёсида Сигэру – один из влиятельных лидеров консервативного лагеря, премьер-министр Японии в 1946-1947 гг. и в 1948-1954 гг. Здесь и далее японские личные имена в полном варианте приводятся так, как это принято в японском языке: сначала фамилия, потом имя. При сокращённом написании инициал имени ставится перед фамилией (Ёсида Сигэру, но С. Ёсида). Японские личные имена не склоняются.

⁶ Yoshida's Letter to Dulles. Text of Letter from Prime Minister Shigeru Yoshida to Ambassador John Foster Dulles, dated December 24, 1951, released to press January 16, 1952. 1952. *Far Eastern Survey*. 21(4). P. 38-39.

сопротивления со стороны своих протайваньски настроенных однопартийцев. Большинство консервативных деятелей, поддерживая ориентацию Японии на союз с США, выступали за сохранение статус-кво (дипломатические отношения с гоминьдановским правительством без признания Китайской Народной Республики).

В рядах ведущих оппозиционных партий левого лагеря – Социалистической (СПЯ) и Коммунистической (КПЯ) партий Японии – также не было единства по вопросу об отношениях между Японией и КНР⁷. В СПЯ фракция Сасаки Кодзо поддержала «культурную революцию» вплоть до признания ценности её уроков для своей борьбы. Такую позицию леворадикального крыла партии осудила структурно-реформистская фракция Эда Сабуро, в связи с чем китайская сторона обвинила представителей правого крыла СПЯ в «сговоре с империализмом и современным ревизионизмом» (Lee 1970: 230-232).

КПЯ со второй половины 1960-х гг. находилась в состоянии острого конфликта с Коммунистической партией Китая: КПЯ обвиняла Мао Цзэдуна во враждебном марксизму-ленинизму догматизме и великодержавном шовинизме, а китайская сторона клеймила КПЯ как отступников, ревизионистов, приспешников японской и американской реакции. Конфликт не ограничился риторикой: КНР изъяла компании, связанные с КПЯ, из списка «дружественных фирм», через которые осуществлялась ограниченная торговля с Японией, что нанесло финансовый урон японской компартии. КПЯ исключила из своих рядов тех, кто был настроен благожелательно по отношению к Пекину, в т.ч. нескольких видных членов Центрального комитета. В 1967 г. конфликт накалился до такой степени, что в пекинском аэропорту хунвэйбины избивали членов делегации КПЯ. КПК пыталась внести раскол в ряды КПЯ, поддерживая существовавшие в Японии немногочисленные маоистские партии – КПЯ (Левую) и Японскую рабочую партию. Отношения между КПЯ и КПК были восстановлены лишь в 1998 г. (Berton 2004: 362-365).

В этих условиях энергичнее левых партий за сближение с коммунистическим Китаем выступали журналисты, учёные и иные общественные деятели «прогрессивного» лагеря (среди них можно назвать литературного критика Накадзима Кэндзо, писателя Хотта Ёсиэ, политолога Намбара Сигэру), зачастую апеллируя к вине Японии за совершённые против Китая военные преступления. К тому же большинство левых интеллектуалов резко негативно относились к американскому военному присутствию, так что антиамериканская риторика Пекина встречала у них понимание (Ogata 1965: 392-393).

⁷ Некоторые партийные лидеры определённо заявляли об идеологической близости с китайскими товарищами. В частности, председатель СПЯ Асанума Инэдзиро во время визита в Пекин весной 1959 г. заявил, что «американский империализм – общий враг Японии и Китая». См. Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. 1976. *Мой путь в политике*. Токио: Асахи симбунся. С. 175-176.

Развитию двусторонних связей во многом способствовала торговля. В рамках концепции «сэйкэй бунри» («отделение политики от экономики») в 1962 г. страны заключили торговое «соглашение Ляо – Такасаки»⁸, и уже в 1964 г. товарооборот Японии с материковым Китаем превысил объём торговли с Тайванем (Mendel 1972: 26), а в 1965 г. Япония сменила СССР в качестве ведущего торгового партнёра КНР (Johnson 1986: 406). Как уже упомянуто, торговля велась через «дружественные фирмы» – как правило, небольшие компании, заручившиеся рекомендацией организаций, имевших контакты с пекинскими властями (Ogata 1988: 12).

Усилению пропекинских тенденций в общественном мнении Японии способствовала также целенаправленная политика самих властей КНР. Ещё в 1964 г. основные японские газеты заключили с Пекином соглашение об обмене корреспондентами. Однако в связи с последовавшими требованиями китайской стороны к манере освещения событий к 1970 г. в КНР остались только корреспонденты леволиберальной газеты «Асахи», чьи репортажи, по выражению американского политолога К. Калдера, «были неотличимы от официальных китайских СМИ» (Johnson 1986: 409-410).

Отношение японского общества к Китаю в годы, предшествовавшие «китайскому шоку Никсона», было противоречивым. С одной стороны, коммунистический Китай воспринимался как потенциальная угроза. Сохранялось укоренившееся с конца XIX – начала XX вв. пренебрежительное отношение к отсталому по сравнению со стремительно модернизированной Японией Китаю. С другой стороны, были распространены и симпатии, обусловленные исторической, географической и культурной близостью двух стран (о чём свидетельствует японское выражение «одна письменность, одна раса») (Ogata 1965: 390-391).

Прокитайские настроения в японском обществе прослеживаются в итогах опросов общественного мнения. Так, в ходе опроса, проведённого в феврале 1970 г., 44% респондентов высказались за признание КНР, 20% предпочитали бы сохранять статус-кво (признавать законным представителем всего Китая тайваньское правительство), и 37% затруднились ответить. При этом в первой группе респондентов 78% (34% от общего числа участников опроса) считали, что отношения с правительством Гоминьдана следует сохранить, и лишь 6% (менее 3% от общего числа ответивших) допускали разрыв дипотношений с Тайванем (Mendel 1972: 26).

Симпатии к КНР открыто выражали не только прогрессивно настроенные политики, общественные организации и СМИ, но и некоторые члены консервативного лагеря – в немалой степени потому, что нормализация отношений

⁸ Названо по именам Ляо Чэньчжи, высокопоставленного деятеля КПК и председателя Комитета солидарности со странами Азии и Африки, и Такасаки Тацуносуке, видного деятеля правящей в Японии ЛДП. Ляо Чэньчжи и Т. Такасаки возглавляли делегации сторон на переговорах, по итогам которых было заключено указанное соглашение.

с Пекином способствовала бы ослаблению зависимости Токио от Вашингтона. Характерно, что в общественных дискуссиях торговлю с Китаем называли «независимая торговля», а связи с Китаем – «независимой дипломатией» (Ogata 1965: 397). К «пропекинскому лобби» правящей партии относились видные консервативные политики Исибаси Тандзан, Такасаки Тацуносукэ, Мацумура Кэндзо, Фуруи Ёсими, Тагава Сэйити, Фудзияма Айитиро. Последний, будучи министром иностранных дел в 1957–1960 гг., когда главным вопросом внешнеполитической повестки Японии было заключение нового Договора безопасности с Соединёнными Штатами, предпринимал и усилия по налаживанию японо-китайских экономических связей (Johnson 1986: 405-406; Ogata 1988: 12). Организационно «пропекинские» силы ЛДП были оформлены как Исследовательский совет по вопросам Азии и Африки (основан 28 января 1965 г.). Более того, 9 декабря 1970 г. усилиями А. Фудзиямы на базе Лиги депутатов парламента за развитие японо-китайской торговли была образована межпартийная Лига депутатов парламента за восстановление отношений с Китаем.

Таким образом, к началу 1970-х гг. в парламенте укрепились силы, выступавшие за нормализацию отношений с КНР по всему спектру. При этом «пропекинское лобби» ЛДП, заинтересованное в развитии торговли с КНР, поддерживало тесные связи с предпринимательским сообществом. Так, выходцами из деловых кругов были Т. Такасаки, в военные годы занимавший пост председателя Компании развития тяжёлой промышленности Маньчжурии и А. Фудзияма, в 1961-1962 и 1965-1966 гг. – глава Агентства экономического планирования.

Премьер-министр Сато Эйсаку, возглавлявший правительство Японии в 1964-1972 гг., отдавал себе отчёт в том, что нормализация отношений с Пекином – вопрос времени. 22 января 1971 г. он впервые использовал официальное название «Китайская Народная Республика», заявив в парламенте, что нормализация двусторонних отношений стоит в повестке дня. Кроме того, он одобрил создание экспертной Группы по изучению международных отношений, которая занялась выработкой нового курса по отношению к Китаю (Johnson 1986: 411-412).

Тем не менее, до июля 1971 г. правительство Японии занимало выжидательную позицию. Свою роль играли и нежелание действовать независимо от Вашингтона, и позиция американского руководства, почти ничем не выдававшего своего намерения пойти на сближение с Пекином. В такой скрытности можно усматривать проявление свойственной Р. Никсону манеры принимать ключевые внешнеполитические решения непосредственно в Белом доме. Но нельзя исключать, что американская администрация намеренно оставила Токио в неведении, либо в «наказание» за невыполненное обещание сократить экспорт в США японского текстиля (Ноеу 2015: 148), либо из нежелания допустить утечку информации (Yoshii 2008: 137).

Тем не менее, некоторые признаки возможных перемен в подходе США к отношениям с КНР прослеживались и до июля 1971 г. Так, в октябре 1967 г. в журнале *Foreign Affairs* Р. Никсон, тогда ещё будущий президент Соединённых

Штатов, писал: «... в долгосрочной перспективе мы просто не можем позволить себе навсегда оставить Китай за пределами семьи наций»⁹. В своей инаугурационной речи 20 января 1969 г. Никсон заявил: «Пусть все нации знают, что при этой администрации наши каналы связи будут открыты»¹⁰. В июле-августе 1969 г. американский президент говорил о намерении установить контакты с Пекином с лидерами Пакистана и Румынии, а 8 августа 1969 г. госсекретарь У. Роджерс заявил о намерении США улучшить отношения с Китаем в своей речи в Национальном пресс-клубе в Канберре (Ogata 1988: 21-22).

В японском внешнеполитическом ведомстве существовали разногласия по вопросу о политике Японии в отношении КНР. Отдел Китая азиатского департамента министерства уже во второй половине 1960-х гг. фиксировал признаки возможных перемен в американской внешней политике и выступал за налаживание отношений с Пекином на фоне укрепления экономических связей с Тайванем. В подготовленной в январе 1971 г. докладной записке этот отдел рекомендовал принять меры по налаживанию конфиденциальных контактов между Токио и Пекином, оповещая об этих контактах Вашингтон. В ответ на это департамент Америки подготовил свой документ, в котором подчёркивалось, что конкретных признаков потепления китайско-американских отношений не просматривается. В итоге поддержку руководства МИД получила именно позиция департамента Америки, разделявшаяся также департаментами ООН и информации и культуры, а предложения китайского отдела были проигнорированы (Ноеу 2015: 140-142).

Подобной негибкости японской дипломатии способствовало то, что внешнеполитическое ведомство и не ставило перед собой задачи детально изучать внешнюю политику американских союзников, выявляя перемены в позиции по КНР. По воспоминаниям японского дипломата Окадзаки Хисахико, информационный департамент МИД занимался анализом внешней политики «враждебных стран» (КНР и СССР), но не Соединённых Штатов. А занимавший в то время пост секретаря премьера-министра Кусуда Минору позже отмечал, что МИД сосредоточил внимание на проблеме Окинавы в ущерб анализу отношений США со странами Азии (там же: 140-142; 151).

Внутриполитические последствия «шока Никсона»

Американская сторона заранее не оповестила руководство Японии ни о состоявшейся поездке в Китай Г. Киссинджера, ни о грядущем визите в КНР Р. Никсона. Премьер-министр Сато получил эту информацию за несколько ми-

Nixon R. Asia After Viet Nam [Электронный ресурс]. *Foreign Affairs*. 1967, October. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1967-10-01/asia-after-viet-nam> (accessed 04.11.2019).

Nixon R. Inaugural Address. January 20, 1969 [Электронный ресурс]. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=1941> (accessed 04.11.2019).

нут до телеобращения Никсона, когда в Японии уже наступило утро 16 июля, во время заседания кабинета министров (там же: 147). «Кошмар японских дипломатов» – американо-китайская встреча за спиной у Японии – стал реальностью¹¹. Ситуацию усугубил грянувший месяц спустя, 15 августа 1971 г., второй «шок Никсона» – отмена привязки доллара к золоту и введение 10%-ной пошлины на импортные товары¹², что особенно болезненно отразилось на японской экономике, ориентированной на экспорт товаров в США.

Настроения в японском МИДе описал его сотрудник: «То, что США опередили Японию в открытии контактов с Китаем, вызывало негодование. И народ не принял бы ситуацию, при которой Япония не смогла бы опередить США в достижении нормализации отношений» (Ogata 1988: 37).

Однако в сложившейся ситуации премьер Сато собирался действовать в высшей степени осторожно, чтобы не ставить под удар отношения Токио с Вашингтоном и Тайбэем. Выступая в парламенте 21 июля 1971 г., японский премьер выразил надежду, что Пекин, готовый принять Р. Никсона, примет с визитом и его. Ответа китайских властей не последовало (Yoshii 2008: 133) – наглядное свидетельство того, что Япония была заинтересована в установлении дипломатических отношений с КНР больше, чем КНР – с Японией.

В то же время на японского премьер-министра усилилось давление внутри страны. Значительная часть японского общества настоятельно требовала налаживания отношений с КНР (Johnson 1986: 403), и безынициативность кабинета оборачивалась для правительства Сато потерей доверия избирателей. К скорейшей нормализации отношений с Пекином подталкивала и международная ситуация. После того, как КНР заняла место Тайваня в ООН (согласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25.10.1971 резолюции 2758), непризнание КНР означало, что у Японии не было дипломатических отношений с одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Учитывая традиционно важное место, занимаемое этой международной организацией в приоритетах японской внешней политики, такое положение было неприемлемо для руководства страны.

Предварительным условием установления полноценных отношений с КНР было решение вопроса о связях с Тайванем. КНР априорно отвергала вариант, которому отдавали предпочтение большинство японцев – поддержание Токио отношений и с Тайбэем, и с Пекином. Именно из-за тайваньского вопроса даже после «шока Никсона» МИД Японии не мог выработать единой позиции по курсу действий на китайском направлении. Основная часть высокопоставленных

¹¹ Интабю: Кусуда Минору си (Сато: Эйсаку сюсэ: сэки хисёкан) [Интервью. Кусуда Минору (личный секретарь премьер-министра Сато Эйсаку)]. 16.11.1995, с. 9. [Электронный ресурс]. *The National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/japan/kusuda.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).

¹² Richard Nixon. Address to the Nation Outlining a New Economic Policy: "The Challenge of Peace." August 15, 1971. [Электронный ресурс]. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=3115> (accessed 04.11.2019).

дипломатов полагала, что следует действовать осторожно, ввиду отсутствия гарантий, что грядущий визит Никсона в Китай приведёт к нормализации американо-китайских отношений. На активных действиях по налаживанию контактов с Пекином настаивало меньшинство сотрудников МИДа, в первую очередь, из департамента Азии.

Выработке консолидированной политической линии препятствовала также характерная для «системы 1955 года» фракционность японских политических партий, ярко проявлявшаяся в правящей ЛДП. Большинство членов «пропекинского лобби» ЛДП относились к фракциям, стоявшим в оппозиции к премьер-министру, и не всегда были готовы помогать ему установить контакты с КНР. Так, упомянутый выше С. Тагава отказался выступить посредником при организации так и не состоявшейся встречи Э. Сато с Ваном Гуофэном, заместителем директора Общества китайско-японской дружбы, прибывшим в Токио в августе 1971 г. на похороны видного деятеля пропекинского крыла ЛДП Мацумура Кэндзо. С. Тагава полагал, что Киси Нобусукэ, родной брат Э. Сато, занимавший пост премьер-министра в 1957-1960 гг., проводил «открыто антикитайскую политику» и что Э. Сато продолжал его «недружественный курс» в отношении КНР (Ноеу 2015: 153-155).

Самой серьёзной попыткой Э. Сато наладить контакт с Пекином стало так называемое «письмо Хори», отправленное в ноябре 1971 г. от имени генерального секретаря ЛДП Хори Сигэру премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю¹³. В Пекин это послание доставил мэр Токио Минобэ Рёкити – левый политик, которого японская пресса окрестила «Минобэндзя», по аналогии с японским чтением фамилии Киссинджера – «Киссэндзя». Миссия Минобэ не увенчалась успехом: Чжоу Эньлай отверг возможность диалога с Э. Сато, отметив при этом свою готовность вести диалог с преемником действующего премьер-министра Японии (Johnson 1986: 412).

Со второй половины 1971 г. интерес к налаживанию связей с Китаем начали проявлять и лидеры ЛДП, прежде державшиеся в стороне от «пропекинского лобби». Первым из партийных деятелей такого уровня приглашение в Китай получил Мики Такэо, глава одной из крупных фракций ЛДП, носившей название «Сэйсаку кэнкю:кай» (в дословном переводе – «Совет по исследованию политики»). За переговоры с КНР в целях заключения мирного договора высказался и известный своими националистическими взглядами Накасонэ Ясухино, в тот период также возглавлявший одну из фракций и занимавший пост председателя партийного Совета по общим вопросам. Более сдержанную в сравнении с однопартийцами позицию заняли оба наиболее вероятных претендента на место премьер-министра после Э. Сато – Фукуда Такэо и Танака Какуэй. Т. Фукуда избегал опрометчивых высказываний в силу своего статуса министра

¹³ Хори сёкан [Письмо Хори]. 25.10.1971. [Электронный ресурс]. National Graduate Institute for Policy Studies (GRIPS). URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPCH/19711025.O1J.html> (accessed 04.11.2019).

иностраных дел в кабинете Сато и с учётом доминирования протайваньски настроенных политиков в своей фракции. К. Танака возглавлял Министерство международной торговли и промышленности, которое было настроено к КНР позитивнее МИДа, но решительные высказывания в пользу нормализации отношений с КНР могли отнять у него голоса на грядущих выборах председателя партии (Ogata 1988: 46).

Борьба за пост премьер-министра вступила в открытую фазу после того, как 15 мая 1972 г. США вернули Японии Окинаву, а 17 июня 1972 г. Э. Сато заявил об уходе в отставку. От своей первоначальной поддержки Т. Фукуда он отказался (Павленко 2006: 42), когда в борьбу за пост председателя ЛДП (в условиях господства ЛДП в парламенте ее председатель, по сути, автоматически становился главой правительства) включился К. Танака, состоявший в одной фракции с Э. Сато. В число претендентов входили также Охира Масаёси и Мики Такэо.

Избрание председателя партии сопровождалось сложными политическими манёврами, причём косвенным образом на этот процесс смогла повлиять и китайская сторона. Т. Мики (активный сторонник нормализации отношений на условиях Пекина) собирался поддержать Т. Фукуда, но из поездки в Пекин он вынес впечатление, что в случае победы этого кандидата КНР вряд ли пойдёт на нормализацию отношений с Японией. В Пекине Чжоу Эньлай считал, что Танака скорее, чем другие кандидаты, согласится на нормализацию двусторонних отношений на приемлемых для Пекина условиях. Через делегацию партии Комэйто, посетившую КНР в мае 1972 г., он конфиденциально сообщил японской стороне, что в качестве премьер-министра К. Танака будет принят в китайской столице (Ogata 1988: 46-47).

Нормализация отношений с КНР

Опираясь на сформировавшуюся в ЛДП коалицию своих сторонников и провозгласив лозунг «не упустить корабль в Китай» (Johnson 1986: 413), К. Танака победил на выборах председателя ЛДП, стал премьер-министром и 7 июля 1972 г. сформировал правительство. После первого заседания кабинета министров он заявил, что процесс нормализации отношений с КНР будет ускорен, а новый министр иностранных дел М. Охира выразил готовность отправиться в Пекин лично или организовать визит в китайскую столицу премьер-министра. Уже 9 июля 1972 г. Чжоу Эньлай приветствовал формирование в Японии нового кабинета и его готовность двигаться в сторону скорейшей нормализации отношений с Китаем (Ogata 1988: 47).

В отсутствие официальных каналов связи роль посредников между двумя странами по-прежнему выполняли деятели оппозиционных партий и представители «пропекинского лобби» в ЛДП. Один из лидеров СПЯ Сасаки Кодзо, посетивший Пекин в середине июля 1972 г., сообщил китайской стороне о готовности К. Танака заняться вопросом об отношениях с Тайванем. Китайское

руководство передало японскому правительству свои условия нормализации двусторонних отношений через Такэири Ёсикацу, председателя партии Комэйто, побывавшего в Китае в июле 1972 г. по поручению К. Танака (Накамура 2012: 756). Хотя Ё. Такэири неоднократно встречался с К. Танака и М. Охира перед поездкой, ему так и не удалось однозначно выяснить, каковы именно конкретные условия, на которых японское правительство готово пойти на нормализацию. Правительству приходилось считаться с тем, что в ЛДП всё ещё существовало серьёзное сопротивление идее отказа от дипломатических отношений с Тайванем. Поэтому в Пекине на встречах с Чжоу Эньлаем и другими представителями китайского руководства Ё. Такэири лишь высказал своё видение мнения японских правящих сил по вопросу о нормализации японо-китайских отношений¹⁴. Сформулированную китайской стороной позицию Ё. Такэири изложил в документе, получившем название «меморандума Такэири» («*Такэири мэмо*»), который позже через премьера Танака и министра иностранных дел Охира был передан в МИД Японии¹⁵. Успеху миссии Ё. Такэири способствовала смена правительства в Токио: в отличие от своего предшественника, К. Танака пользовался расположением Пекина. Кроме того, в глазах китайских руководителей Ё. Такэири был посредником убедительным (с учётом тесных контактов с высшим руководством Японии) и надёжным (в плане обеспечения секретности переговоров) (Ogata 1988: 47-48).

Добиваясь поддержки как пропекинских, так и протайваньских групп в ЛДП, 24 июля 1972 г. К. Танака учредил Совет по нормализации японо-китайских отношений из 312 членов под председательством Косака Дзэнтаро. Этот орган согласовал условия ведения переговоров с китайской стороной, оговорив: «ввиду тесных отношений между Японией и Китайской Республикой, переговоры [с КНР] должны проводиться с учетом сохранения этих отношений» (там же: 51) – без уточнения, относится ли эта оговорка к дипломатическим отношениям с тайваньским правительством.

В ходе нескольких визитов возглавляемая Д. Косака делегация ЛДП разъяснила китайской стороне сложности с согласованием внутри партии, которые приходится преодолевать премьер-министру. Кроме того, обсуждение с китайской стороной подготовленного МИД Японии проекта совместного коммюнике происходило во время секретных поездок в Пекин представителей «пропекинского лобби» Ё. Фуруи и С. Тагава (там же: 51-52). Самые глубокие разногласия между сторонами вызывали взаимосвязанные вопросы о трактовке положений Сан-Францисского договора и о прекращении состояния войны между двумя

¹⁴ Протокол первой встречи Ё. Такэири и Чжоу Эньлая (на японском языке). 27.07.1972. [Электронный ресурс]. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118833> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁵ Text of the Chinese proposal conveyed through Takeiri. 1988. Ogata S. *Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. P. 49.

странами¹⁶. Наконец, после продолжительных согласований в Китай прибыл премьер-министр Танака, и 29 сентября 1972 г. было обнародовано принятое по итогам переговоров совместное коммюнике¹⁷.

Документ, провозглашавший установление дипломатических отношений между странами, был расценен в Японии как победа «многосторонней дипломатии» К. Танака, сумевшего добиться нормализации отношений с КНР всего через 14 месяцев после «шока Никсона». По наиболее чувствительному для обеих сторон тайваньскому вопросу было принято компромиссное решение: с Тайбэем Токио разорвал дипломатические отношения, но сохранил экономические и прочие связи. О разрыве дипломатических отношений с Тайванем М. Охира объявил на пресс-конференции после подписания совместного коммюнике, в котором таковое намерение не было декларировано.

Тем не менее, специфика японского внешнеполитического процесса привела к уступкам китайской стороне при нормализации двусторонних отношений. В частности, это выразилось во включении в коммюнике «антигегемонистской» статьи 7, согласно которой в советско-китайском противостоянии японская сторона фактически встала на сторону КНР. Но значимость этого обстоятельства Токио полностью осознал только шесть лет спустя, во время подготовки японо-китайского договора о мире и дружбе¹⁸ (Johnson 1986: 414).

Премьер-министр Японии стремился ускорить нормализацию отношений с Пекином по двум причинам: во-первых, принимая во внимание настрой общества, а во-вторых – из опасений возможного противодействия со стороны «протайваньского лобби» в ЛДП. Спешка помешала тщательному анализу текста совместного коммюнике и политических последствий его подписания (Ogata 1988: 54-55).

Реакция официального Токио на «китайский шок Никсона» и последовавший процесс нормализации японо-китайских отношений демонстрируют ряд особенностей принятия внешнеполитических решений в Японии периода «системы 1955 года»:

– двойственное положение главы правительства. Свобода действий премьер-министра была ограничена и касалась не столько определения стратегических целей внешней политики, сколько выбора способов их достижения. Э. Сато не мог инициировать нормализацию отношений с Пекином, пока в пра-

¹⁶ Протокол первой встречи между министром иностранных дел Охира и министром иностранных дел Цзи Пэн-феем (на японском языке). 26.09.1972. [Электронный ресурс]. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118838> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁷ Joint Communiqué of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. September 29, 1972. [Электронный ресурс]. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html> (accessed 04.11.2019).

¹⁸ Наличие в японо-китайском коммюнике «антигегемонистской статьи» стало одной из причин попытки СССР улучшить отношения с Японией в 1972-1973 гг., выразившейся, в частности, в визите А.А. Громыко в Токио в январе 1972 г., за которым последовали визиты в Москву М. Охира в октябре 1972 г. и К. Танака в октябре 1973 г. Более подробное изучение значимости рассмотренных событий с точки зрения советско-японских отношений выходит за рамки тематики настоящей статьи.

вающей партии и во внешнеполитическом ведомстве преобладали проамериканские и протайваньские настроения. Но после «шока Никсона» и у него, и у сменившего его К. Танака фактически не оставалось альтернативы курсу на скорейшую нормализацию отношений с КНР.

– ограниченные политическая роль и функциональные возможности Министерства иностранных дел, задачи которого сводились к техническому и информационному обеспечению внешней политики (эта ситуация сохраняется по сей день) (Внешнеполитический процесс... 2011: 314). Сверх того, эффективность работы министерства снижала внутриведомственная борьба: проигнорировав предположения своих сотрудников, руководство МИДа не спрогнозировало сближение между США и КНР, а после «шока Никсона» заняло выжидательную позицию, опасаясь нанести ущерб отношениям Японии с Соединёнными Штатами и Тайванем. Функция министра иностранных дел ограничивалась проведением в жизнь курса, заданного премьер-министром.

– межфракционная борьба внутри правящей ЛДП, применительно к японо-китайским отношениям между «пропекинским» и «протайваньским» лобби. В то же время в налаживании связей с официальным Пекином роль левой оппозиции, СПЯ и КПЯ, была незначительной по идеологическим причинам. «Прогрессивные» силы ограничились посреднической функцией при установлении контактов между правительствами двух стран, а до 1971 г. – в организации японо-китайской торговли через систему «дружественных фирм».

Заслуживают особого внимания также разнообразные неформальные каналы связи и формируемые *ad hoc* механизмы согласования позиций. Так, именно контакты «пропекинского лобби» ЛДП с китайским руководством помогали поддерживать торговлю на достаточно высоком уровне даже в отсутствие дипломатических отношений. А создание консультативных структур под конкретные задачи было методом, часто используемым политическим руководством, чтобы прийти к консенсусным решениям.

Рамки возможных действий высшего руководства, по сути, задавало общественное мнение, давление которого после «шока Никсона» не оставляло правящим кругам иного выбора, кроме как пытаться как можно скорее добиться нормализации дипломатических отношений с КНР. В случае же с японо-китайскими отношениями к этому добавилось и косвенное влияние со стороны Пекина, которое не только способствовало формированию в Японии более благоприятного отношения к КНР, но даже послужило одним из факторов избрания премьер-министром К. Танака, настроенного по отношению к Пекину более благожелательно, чем его конкурент Т. Фукуда.

Децентрализованность системы принятия решений в целом и внешнеполитического процесса в частности оказала влияние на образ действий японской дипломатии по выстраиванию отношений с КНР. Официальный Токио действовал по ситуации: до «шока Никсона» не решаясь отойти от линии США, а после того, как американо-китайское сближение «развязало руки» японской дипло-

матии – взяв курс на скорейшую нормализацию отношений. Но благодаря наличию широкой поддержки в японском обществе, японское руководство смогло добиться этой цели, пусть и с уступками китайской стороне, существенно раньше, чем это сделали США.

Об авторе:

Владимир Владимирович Нелидов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН (Москва 107031, ул. Рождественка, д. 12). E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: 28.03.2019

Accepted: 10.10.2019

The “Nixon China Shock” in the Mirror of Japanese Domestic Politics

Vladimir V. Nelidov

DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77

Institute of Oriental studies RAS

Abstract: The “Nixon China Shock” (the July 15, 1971 statement by the U.S. President R. Nixon about the recent trip of his National Security Advisor H. Kissinger to the PRC and about the President’s upcoming visit there) became one of the pivotal points in the history of Japanese foreign policy and contributed to Tokyo becoming more independent from Washington in its diplomatic course. Using the case of Japan’s reaction to this event, the article explores the characteristic features of the foreign policy making process in post-war Japan and demonstrates the considerable influence of these features on the character of Japanese foreign policy of the so-called “1955 System” period (the prolonged and continuous dominance of the conservative Liberal Democratic Party in 1955-93). The paper shows the decentralization of the foreign policy making process, expressed in the limited ability of the Prime Minister to determine foreign policy, the presence of considerable internal contradictions in the MoFA of Japan, the factionalism of the ruling party, and the high degree of dependency of the government’s policy course on the public opinion. It proves that these factors were one of the reasons for Japan’s political leadership avoiding decisive actions to normalize relations with the PRC before the “Nixon shock”, cautious that it might damage its relations with the U.S. and unable to discern the signs of upcoming U.S.-Chinese détente, and after this event, vice versa, making every effort to normalize its relations with Beijing as soon as possible, reaching this goal even before their American partners did. Given the historical importance

of the “1955 System” for contemporary Japanese politics, the article’s conclusions are significant for the understanding of the logic of Japan’s domestic politics and foreign policy of the entire post-war period.

Key words: Japan, foreign policy making process, “Nixon shock”, Japan-China normalization, Japan-U.S. relations, Liberal Democratic Party of Japan.

About the author:

Vladimir V. Nelidov, PhD (History), lecturer, research fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia). E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru.

Conflict of interest

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Berton P. 2004. The Chinese and Japanese communist parties: three decades of discord and reconciliation, 1966-1998. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. P. 361-372.
- Calder K.E. 1988. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State. *World Politics*. 40(4). P. 517-541.
- Campbell J.C., Scheiner E. 2008. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan’s 1955 System. *Japanese Journal of Political Science*. 9(1). P. 89-113.
- Cooney K.J. 2007. *Japan’s Foreign Policy since 1945*. Armonk, New York: M.E. Sharpe, Inc. 295 p.
- Hagan J.D., Everts P.P., Fukui H., Stempel J.D. 2001. Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy. *International Studies Review* 3(2). P. 169-216.
- Hoey F. 2015. *Sato, America and the Cold War: US-Japanese relations, 1964-72*. New York: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Hook G. et al. 2005. *Japan’s international relations: politics, economics and security*. 2nd ed. London and New York: Routledge. 623 p.
- Johnson C. 1986. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952-1982. *Pacific Affairs*. 59(3). P. 402-428.
- Lee C. 1970. Factional Politics in the Japan Socialist Party: The Chinese Cultural Revolution Case. *Asian Survey*. 10(3). P. 230-243.
- Mendel D.H. 1972. Sino-Japanese Relations in Crisis. *China Report*. 8(4). P. 18-27.
- Ogata S. 1965. Japanese Attitude toward China. *Asian Survey*. 5(8). P. 389-398.
- Ogata S. 1988. *Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. 113 p.
- Pugliese G. 2017. Kantei diplomacy? Japan’s hybrid leadership in foreign and security policy. *The Pacific Review*. 30(2). P. 152-168.
- Rose G. 1998. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. 51(1). P. 144-172.
- Togo K. 2010. *Japan’s Foreign Policy, 1945-2009: The Quest for a Proactive Policy*. Leiden and Boston: Brill. 484 p.
- Yoshii M. 2008. The Creation of the “Shock Myth”: Japan’s Reactions to American Rapprochement with China, 1971-1972. *The Journal of American-East Asian Relations*. Vol. 15. P. 131-146.

Vneshnepoliticheskij protsess v stranakh Vostoka [Foreign Policy Process in Countries of the East]. 2011. Ed. by Streltsov D.V. Moscow: Aspekt Press 336 p. (In Russian)

Kistanov V.O. 1995. *Yaponiya v ATR. Anatomiya ehkonomicheskikh i politicheskikh ot-noshenij* [Japan in the Asia Pacific Region. Anatomy of Economic and Political Relations]. Mos-cow: Vostochnaya literature. 336 p. (In Russian)

Kuriyama T. 2016. *Sengo Nihon gaiko. Kiseki to kadai* [Post-War Japanese Diplomacy: Trajectory and Issues]. Tokyo: Iwanami shoten. 271 p. (In Japanese)

Nakamura T. 2012. *Sho:wa shi (1945-89)* [History of the Showa Era (1945-89)]. Vol. 2. Tokyo: Toyo keizai shimposha. 897 p. (In Japanese)

Pavlenko P.A. 2006. *Liberal'no-demokraticeskaya partiya v politicheskoy sisteme sovremen-noj Yaponii (1955-2001)* [Liberal Democratic Party in the Political System of Contemporary Japan]. Moscow: AIRO-XXI. 268 p. (In Russian)

Shoji T. 2011. [Struggle around Composing the Bill. The Foreign Ministry and the Process of Composing the United Nations Peace Cooperation Bill]. *Japanese Political Science Review*. 62(2). P. 206-227. (In Japanese)

Streltsov D.V. 2010. [Foreign Policy Process in Contemporary Japan]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(10). P. 245-256. (In Russian)

Streltsov D.V. 2016. [The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience]. *Japanese Studies in Russia*. № 3. P. 70-85. (In Russian)

Литература на русском языке:

Внешнеполитический процесс в странах Востока. 2011. Под ред. Стрельцова Д.В. Москва: Аспект Пресс. 336 с.

Кистанов В.О. 1995. *Япония в АТР. Анатомия экономических и политических от-ношений*. Москва: Восточная литература. 336 с.

Павленко П.А. 2006. *Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955-2001)*. Москва: АИРО-XXI. 268 с.

Стрельцов Д.В. 2010. Внешнеполитический процесс в современной Японии. *Вест-ник МГИМО-Университета*. 1(10). С. 245-256.

Стрельцов Д.В. 2016. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта. *Японские исследования*. № 3. С. 70-85.